

А. Бошковиц, И. Ван Вик

**ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ: АНТРОПОЛОГИЯ
В ЮЖНО-АФРИКАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ
(1921–2004 гг.)**

Введение: создание поля исследований

Начало антропологии в ЮАР было положено в XIX в. работой таких миссионеров, как Александр Жюно (Junod), и в этом качестве антропология вполне вписывается в клише “колониальной” науки (*Hammond-Tooke 1997; Thornton 1998*). Вместе с тем антропология представляла собой нечто большее даже в виде таких скромных начинаний в бывшей британской колонии (*Cocks 2001; Thornton 1983*). Она являлась ареной столкновений и борьбы различных мнений, а также важной лабораторией для различных политических экспериментов, часть из которых оказала длительное и разрушительное влияние на южноафриканские общества.

В данной статье мы кратко характеризуем трудные времена, которые пережила эта дисциплина с 1921 г., а также описываем положение вещей в современной антропологии страны и ее перспективы. Хотя во многих отношениях антропология в ЮАР прошла те же этапы, что и антропология в других странах, например, в Великобритании, необычная связь южноафриканской антропологии с политикой придавала своеобразие ее направленности и усложнила ее поиск идентичности.

Предшествующие исследования облегчают нашу задачу. К примеру, покойный Дэвид Хэммонд-Тук (*Hammond-Tooke 1997*) представил в свое время замечательный обзор антропологии в ЮАР, охватывавший 1920-е – 1990-е годы, а Джон Шарп еще в 1980 г. заметил, что в рамках антропологии сосуществовали два различных направления (*Sharp 2001, 2002*)¹. Другие весьма полезные статьи включают обзор Роберта Гордона и Эндрю Шпигеля (*Gordon et al. 1993*), представляющий собой реакцию на более ранний обзор Б. По (*Pauw 1980*), а также инаугурационное обращение Адама Купера на первой общей встрече южноафриканских антропологов в 2001 г. (*Kuper 2002*). Тем не менее предлагаемый ниже очерк – по преимуществу продукт нашего собственного опыта и взглядов, а также того контекста, с которым мы связаны, в частности, того факта, что оба автора – члены факультетов, на которых преподавание антропологии и антропологические исследования имеют длительную традицию (более 70 лет в Претории и более 60 – в Грейамстауне).

Одно из наиболее распространенных клише о развитии этой дисциплины в Южной Африке – утверждение о существовании двух далеких друг от друга и взаимно несовместимых исследовательских традиций. Считалось, что подавляющая часть антропологов (или этнологов), говорящих на африкаанс, проводили свои исследования в традиции немецкой *Volkskunde*, или как ее называли здесь – *volkekunde*, поддерживавшей систему расовой сегрегации, известную как *apartheid*², в то время как их англоязычные коллеги работали в рамках социальной антропологии (преимущественно британской) и в основном находились в оппозиции к апартеиду³. Купер резюмирует содержание этого клише в утверждении, что *volkekunde* “целенаправленно развивалась как идеологическая подкладка апартеида” (*Kuper 1987: 2*). Однако в реальности трудно отыскать южно-африканского антрополога (независимо от ее/его первого языка!), который бы никогда не работал в той или иной форме на бывшее

Александр Бошковиц (Boscovic) – профессор кафедры антропологии Университета Родса (Грейамстаун, Южно-Африканская Республика).

Илана Ван Вик (Van Wyk) – аспирант кафедры антропологии и археологии Университета Претории (Претория, Южная Африка).

правительство до 1990 г., например, как консультант правительственного агентства или департамента. Это то, что Хэммонд-Тук довольно наивно объясняет нехваткой в то время рабочих мест для англоязычных антропологов (*Hammond-Tooke* 1997).

Следует сказать, что работа нескольких выдающихся современных ученых, говорящих на африкаанс (например, Майк де Йонг (*de Jongh*), Крис де Вет (*de Wet*) или Кис ван дер Ваал (*van der Waal*)), осуществляется в рамках лучших традиций международной социальной и культурной антропологии и оставалась таковой даже в годы апартеида.

Антрополог в контексте: У.Д. Хэммонд-Тук

Интересно рассмотреть антрополога, чья жизнь и работа может восприниматься как “показательный случай” из этой региональной традиции. Дэвид Хэммонд-Тук (1926–2004) был плодовитым автором и, возможно, последним из выдающихся южно-африканских антропологов. Его интересы охватывали обширную область от сравнительной этнографии и доколониальной социальной истории до таких исследовательских тем, как колдовство, мифы, целительство и родство. Он был редактором известного сборника о бантуязычных народах Южной Африки (*Hammond-Tooke* 1974) – пересмотренной и обновленной версии шедевра, опубликованного в 1938 г. под редакцией его бывшего учителя Айзека Шапера (*Schapera*).

Хэммонд-Тук соединял свой интерес к истории с большим опытом полевой работы, результатом чего стало значительное число написанных им книг и статей. На его ранние работы большое влияние оказала структурно-функциональная традиция, характерная для “золотого века” южно-африканской антропологии (1930-е–1950-е годы). В 1970-е годы на него повлиял структурализм Леви-Стросса, в результате чего он написал несколько работ с весьма оригинальным анализом зулусских мифов. Его интересовала религия вообще – Хэммонд-Тук рассматривал религиозные верования и ритуалы как часть мировоззрения, глубоко укорененного в традициях и истории народа. Его главной целью, таким образом, стало выявление скрытой структуры различных верований, и в ее достижении ему сопутствовал успех: его монографию о народе *kgaga* широко цитируют (и ею восхищаются) исследователи антропологии религии (*Hammond-Tooke* 1981).

Кроме того, неприятие Хэммонд-Туком марксизма не принесло ему слишком много друзей в южно-африканской социальной антропологии, в которой марксизм и функционализм доминировали вплоть до конца 1990-х годов⁴.

Интерес Хэммонд-Тука к культуре резко контрастировал с тем, что его коллеги избегали исследовать по этой теме, ставшей политически немодной в контексте идеологии “раздельного развития” апартеида. Многие из его идей противоречили общепринятым. Например, исследователь утверждал, что в южной части Африки никогда не было никаких “клановых обществ”, или “линиджей”, а следовательно, и “сегментированной системы линиджей”. Вместо этого большинство обществ были организованы как вождества с домохозяйством в качестве ядра.

В 1990-е годы Хэммонд-Тук составил обзор черных обществ Южной Африки, в котором аргументированно возражал против романтизации доколониальных обществ, в то же время демонстрируя сложность и уникальность традиционных культур (*Hammond-Tooke* 1993). Другие антропологи посчитали эту книгу старомодной, поскольку ее сфокусированность на культуре плохо согласовывалась с их собственным игнорированием этой темы. Он также написал чрезвычайно интересную историю антропологии в ЮАР (с ее непростыми отношениями с правительствами колониальной и поздней апартеида) от ее славного начала в 1921 г. до уже не столь славного 1990 г. (*Hammond-Tooke* 1997). Разумеется, ему было трудно описывать собственное прошлое, в особенности тот факт, что он работал в период с 1946 по 1955 г. в Депар-

таменте по делам туземцев (Department of Native Affairs), как он сам отмечает в книге “Несовершенные интерпретаторы”: “Оглядываясь назад, это не слишком удачное решение”.

Дэвид Хэммонд-Тук был незаурядным наблюдателем южно-африканских этнографических реалий и в этом своем качестве – влиятельной фигурой в историографии всего рассматриваемого региона. Его попытки обнаружить “глубокие структуры” мышления, управляющие поведением людей, завоевали ему широкое признание, и весьма вероятно, что результаты его работы будут использоваться еще шире, когда такие дисциплины, как антропология и история, сблизятся и станут дополнять друг друга.

Однако интересно взглянуть и на особый политический контекст, в котором существует антропология в Южной Африке. “Несовершенные интерпретаторы” критиковались некоторыми англоязычными антропологами страны за излишнюю вежливость по отношению к говорящим на африкаанс носителям традиции *volkekunde*. Вместе с тем сами антропологи, говорящие на африкаанс, полагали, что он обошелся с ними слишком сурово. Уже сам факт, что этот относительно краткий (но весьма пронизательный!) обзор вызвал такие диаметрально противоположные реакции, свидетельствует, что внутри дисциплины до сих пор сохраняются линии разлома.

Совсем недавно антропологи, говорящие на африкаанс и английском, сформировали единую профессиональную организацию “Anthropology Southern Africa” (учредительная конференция состоялась в апреле 2001 г. в Претории). Успех этой организации был, однако, недолгим, поскольку на последующих встречах представители бывшей *volkekunde* отсутствовали. Ссылаясь на трудности с финансированием, эти ученые выражали глухой протест против оказываемого на них давления, принуждающего их сменить теоретический фокус и подстроиться под традицию марксистской критики. Они чувствовали себя изолированными в рамках новой организации и сетовали на то, что их подробные этнографические работы игнорируются из-за вменяемой им негласной поддержки правительства апартеида.

Раса, идентичность и “новая Южная Африка”

1990-е годы сделали центральными такие важные области исследований, как этничность, серьезным вкладом в которые стали работы Джона Шарпа (Sharp) и Патрика Макаллистера (McAllister). Не менее важной была и проблема “нон-расиализма” (Sharp 1998). Некоторые из наблюдателей очень критично относились к расовому и колониальному уклонам в южно-африканской антропологии и в особенности в антропологии “Африки”. Здесь можно упомянуть работу Арчи Мафедже (Mafeje), который зарекомендовал себя решительным критиком как институциональной организации (или ее отсутствия) в дисциплине, так и ее постколониальных затруднений. К сожалению, работа Мафедже в последние три десятилетия в большей степени отражает его личный гнев и отчаяние, нежели демонстрирует знакомство с более ранними критиками колониализма, такими, например, как Мишель Лейрис (Leiris 1934; Bosovic 2003), или понимание более современных критиков, например, Джеймса Клиффорда (Clifford 2003).

Так, когда он утверждает, что в Южной Африке “антропология использовалась как непосредственный инструмент колониального угнетения” (Mafeje 2001: 30), он не считает возможным обеспечить какие-либо свидетельства в поддержку этого в противоположность политологам, критикующим наследие колониализма, таким как Мамдани (Mamdani 2001). Авторы с другими претензиями, например, Кокс (Cocks 2001), иллюстрируют их конкретными примерами и ссылками. Нехватка научной дисциплинированности превращает большую часть критики Мафедже либо в совер-

шенно нерелевантную в методологическом отношении, либо в безнадежно устаревшую.

В “новой Южной Африке” критика Мафедже приобрела оттенок риторики африканских националистов, явным выразителем которой на конференции “Секс и сокрытие”, проходившей в Университете Витуотерсранда в 2003 г., стал Нокутула Схосана (Nokuthula Skhosana). Согласно Нокутуле, чужаки (в особенности белые исследователи) не могут достичь уровня эмпатии, необходимого для подлинного понимания культурных ценностей африканского народа. Еще в 1980-е годы Купер отметил (Kuper 1987: 2–5), что похожие аргументы выдвигаются националистическими интеллектуалами и в других странах Африки. К нашему разочарованию, это притязание на привилегированное понимание на основе этничности не получило необходимого теоретического отпора, помимо усмотрения некоторыми марксистами махинаций новой черной элиты (Gibson 2004).

Разумеется, темнокожие южно-африканские антропологи делают свой весьма важный вклад в дисциплину: недавний пример – блестящий и своевременный анализ, осуществленный Рамфеле (Ramphela 2001). К сожалению, Мамфела Рамфеле покинул страну, получив работу во Всемирном банке, что приводит нас к рассмотрению проблемы выезда интеллектуалов и к более широкой теме будущего антропологии в Южной Африке.

Роль южно-африканской антропологии сегодня

Есть несколько существенных моментов, определяющих место и, следовательно, роль антропологии в современной Южной Африке. Прежде всего, как это было уже замечено в ходе длительного включенного наблюдения такими наблюдателями, как Хэммонд-Тук (Hammond-Tooke 1997), происходит постепенное снижение международной значимости дисциплины, сопровождающееся выездом многих южно-африканских антропологов за пределы страны (в особенности в Великобританию и США), и одновременно с этим – постепенное уменьшение числа антропологов в южно-африканских университетах.

Теоретические модели, используемые во многих отделениях антропологии (и особенно на неомарксистских), остаются безнадежно устаревшими, и им не удастся привлечь молодых ученых или вдохновлять их на серьезные исследования. В конечном счете все больше и больше студентов задают вопрос о релевантности антропологии в Южной Африке после апартеида, а нестабильный рынок занятости выталкивает многих возможных кандидатов в более безопасные сферы занятости, например, в экономику и юриспруденцию.

На институциональном уровне правительственные субсидии университетам все более зависят от того, что именуется “обучением, основанным на результате”. Главный упор в этой программе делается на демонстрацию практических умений, которые могут непосредственно использоваться на рынке труда. Вследствие этого на отделения антропологии оказывается давление, чтобы они включали “полезные” курсы, часто за счет курсов теории.

В то время как важность *полевых исследований* справедливо подчеркивалась уже с 1960-х годов и вследствие этого новаторская работа Филипа Мейера (Maeyer) из Университета Родса в области городской антропологии оказала существенное влияние на исследователей за границей, начиная с 1990-х годов и позднее ощущается систематический недостаток внимания к современным *теоретическим* новациям в дисциплине – Торнтон (Thornton) здесь представляет собой одно из крайне малочисленных исключений, однако его влияние остается весьма ограниченным. Значительное число южно-африканских антропологов продолжают вести довольно интересные и качественные исследования местных сообществ, но в большинстве случаев в них

странным образом отсутствует *сравнительная перспектива*, столь необходимая для самого существования социальной антропологии.

Все больше антропологов работают в качестве консультантов, что также ограничивает их возможности работы в поле и слежения за развитием их области исследований. Мысль о том, что консультирование – это “погребальный звон” по южно-африканской антропологии, не нова и не оригинальна – ее высказывали неоднократно многие из именитых ученых, включая Хэммонда-Тука, Джона Шарпа и Айзека Нихауса (Niehaus). Однако только упоминание этой мысли одним из авторов данной статьи на конференции южно-африканских антропологов в 2003 г. в Кейптауне вызвало гнев и смятение у Пэмелы Рейнолдс, которая председательствовала на сессии.

Будущее южно-африканской антропологии в весьма значительной степени зависит от тех долгосрочных решений, которые сделают местные антропологи. Последние могут либо позволить антропологии постепенно слиться с социологией, социальной работой и иными близкими дисциплинами, либо продолжить собственные исследования (и воодушевлять своих студентов делать то же) с большим энтузиазмом, принимая во внимание важные теоретические результаты, которые были достигнуты за последние несколько десятков лет. Для нас самих выбор представляется очевидным.

Примечания

Александар Бошкович благодарен ныне покойному У.Д. Хэммонд-Туку за неоднократные встречи в 2001–2003 гг. и за возможность критически оценить место и будущее южно-африканской антропологии. Он также выражает признательность Айзеку Нихаусу (Университет Претории), Роберту Торнтону и Рехане Эбрахим-Вэлли (Университет Витутерсранда), Роберту Палмеру, Крису де Вету и Майклу Уиссону (Университет Родса), Файоне Росс (Университет Кейптауна) и Яне Ур (Министерство иностранных дел Республики Словения). Это, однако, не означает единства взглядов перечисленных выше лиц с тем, что изложено в данной статье.

¹ Это заключение было еще раньше сделано Мартином Уэстом в 1979 г. в его инаугурационной лекции в Университете Кейптауна (*West* 1979).

² О роли, которую в этом играл в 1930-е годы Эйзелен (Eiselen) и его коллеги из Университета Стелленбош, см. в работе Хэммонд-Тука (*Hammond-Tooke* 1997).

³ В соответствии со знаменитым финалом инаугурационной речи Рэдклифф-Брауна в Университете Кейптауна в 1922 г.: “сегрегация не может быть действенной” (*Kuper* 2002).

⁴ Бантуязычные народы Южной Африки.

⁵ Бывшие студенты как в Университете Витутерсранда, так и в Университете Кейптауна сетовали на академическую изоляцию и жесткую критику, с которой им приходилось сталкиваться, если они не приспособивались к марксистскому подходу.

Литература

- Boscovic* 2003 – *Boscovic* A. Phantoms of “Africa”: Michel Leiris and the Anthropology of a Continent // *Gradhiva*. 2003. Vol. 34. P. 1–6.
- Clifford* 2003 – *Clifford* J.T. On the Edges of Anthropology. Chicago, 2003.
- Cocks* 2001 – *Cocks* P. Max Gluckman and the Critique of Segregation in South African Anthropology, 1921–1940 // *Journal of Southern African Studies*. 2001. Vol. 27. № 4. P. 739–756.
- Gibson* 2004 – *Gibson* N.C. The Dialectics of Liberation in South Africa: Frantz Fanon Memorial Lecture. Centre for Civil Society, University of KwaZulu-Natal, 9 July 2004.
- Gordon et al.* 1993 – *Gordon* R.J., *Spiegel* A. Southern Africa Revisited // *Annual Review of Anthropology*. 1993. Vol. 22. P. 83–105.
- Hammond-Tooke* 1974 – *Hammond-Tooke* W.D. The Bantu-Speaking Peoples of South Africa/Ed. W.D. Hammond-Tooke. L., 1974.
- Hammond-Tooke* 1981 – *Hammond-Tooke* W.D. Boundaries and Belief. Johannesburg, 1981.

- Hammond-Tooke 1993* – *Hammond-Tooke W.D.* The Roots of Black South Africa. Johannesburg, 1993.
- Hammond-Tooke 1997* – *Hammond-Tooke W.D.* Imperfect Interpreters: South Africa's Anthropologists, 1920–1990. Johannesburg, 1997.
- Kuper 1987* – *Kuper A.* South Africa and the Anthropologist. L., 1987.
- Kuper 2002* – *Kuper A.* Today We Have Naming of Parts: The Work of the Anthropologists in Southern Africa // *Anthropology Southern Africa*. 2002. Vol. 25. № 1–2. P. 7–16.
- Leiris 1934* – *Leiris M.* L'Afrique fantome. P., 1934.
- Mafeje 2001* – *Mafeje A.* Anthropology in Post-Independence Africa: End of an Era and the Problem of Self-Redefinition // *African Social Scientists Reflections*. Pt 1. Nairobi, 2001.
- Mamdani 2001* – *Mamdani M.* Beyond Settler and Native as Political Identities: Overcoming the Political Legacy of Colonialism // *Comparative Studies in Society and History*. 2001. Vol. 43. № 4. P. 651–664.
- Pauw 1980* – *Pauw B.A.* Recent South African Anthropology // *Annual Review of Anthropology*. 1980. Vol. 9. P. 315–338.
- Ramphela 2001* – *Ramphela M.* Citizenship Challenges for South Africa's Young Democracy // *Daedalus*. 2001. Vol. 130. № 1. P. 1–17.
- Sharp 1998* – *Sharp J.* “Non-Racialism” and Its Discontents: A Post-Apartheid Paradox // *International Social Science Journal*. 1998. Vol. 156. P. 243–252.
- Sharp 2001* – *Sharp J.* The Question of Cultural Difference: Anthropological Perspectives in South Africa // *South African Journal of Ethnology*. 2001. Vol. 24. № 3. P. 67–74.
- Sharp 2002* – *Sharp J.* Two Separate Developments: Anthropology in South Africa // *The Best of Anthropology Today*/Ed. J. Benthall. L., 2002. P. 245–253.
- Thornton 1983* – *Thornton R.J.* Narrative Ethnography in Africa, 1850–1920: The Creation and Capture of an Appropriate Domain for Anthropology // *Man*. 1983. Vol. 18. P. 502–520.
- Thornton 1998* – *Thornton R.J.* Capture by Description. Unpublished manuscript, 1998.
- West 1979* – *West M.E.* Social Anthropology in a Divided Society. Inaugural lecture. Cape Town, 1979.

Перевод с английского С.В. Соколовского

Special Section of the Issue: *The Discipline and Society: National Traditions* (guest editor: A.L. Elfimov)

This issue's special section is a discussion of the relationship between ethnology (social anthropology, cultural anthropology) and society in different national and international contexts of the present. The discussion addresses the following questions: 1) What was historically and is now the role of ethnology in different societies? 2) What does the general, non-academic, public know about ethnology in different societies? 3) What is the stereotype of “ethnologist” in different societies? 4) To what degree does ethnological knowledge penetrate the broader society beyond the academic walls in different countries? 5) What is the status of ethnology among other social science/humanities disciplines in different societies? 6) What meaning is attached to terms “anthropology”, “ethnology”, “ethnography” in different academic traditions? 7) What are considered privileged and less-privileged spaces within ethnology (social anthropology, cultural anthropology) as a research terrain in different academic traditions? These issues are discussed in essays and comment pieces by V.A. Tishkov, S.V. Cheshko, A.N. Yamskov, S.V. Sokolovski, O.Y. Artemova, A.M. Kuznetsov (Russia), P. Harvey (Great Britain), A. Gingrich (Austria), G. Marcus (USA), A.R. Ramos (Brazil), M. Abeles (France), H.F. Vermeulen (The Netherlands), A. Boscovic and I. Van Wyk (South Africa).